

ХРАМ НА ХОЛМЕ

Загублен храм на том холме,
Куда всходили мы с тобой.
И раны стен, и свет во тьме
Являли зло наперебой.

От капищ траурная гарь,
И не сбылась благая весть,
Но там, где осквернён алтарь,
Не зря гнездо соколье есть!

Птенец топорщится в траве,
Неопалимый куст колюч.
И что нам до инаких вер,
И крест не ко всему ли ключ?!

Ему легко поддастся дверь
На входе в разорённый храм:
Разор ко мне, к себе примерь,
То наш с тобою стыд и срам.

Не пусто свято место здесь –
Гнездо соколье между плит.
И неба золотая взвесь
Меня с тобою окропит.

Забывать ли храм и вид окрест?!
И я вернусь туда, где был,
А путь укажет Божий перст
Распахом соколиных крыл.

* * *

Сибирь колесовали поезда –
Вела их паровозная звезда.
Стонал, стонал столыпинский вагон:
Паду на рельсы – неизбывный стон.
Этапами гоняли русский люд,
А хлад сибирский по-медвежьи лют.
И выдержать его не каждый мог,
Но где у русских болевой порог?

Ты можешь, может он, и я могу
Замёрзнуть и воскреснуть на снегу.
А после встать и превратиться в даль,
Что объясняет русскую печаль.
Кривить звериным криком мёртвый рот,
Но распрямить к обрыву поворот.
И лишь простёртую оплакав мать,
Шагнуть вперёд – и вражью рать ломать.

ЛЕДЯНОЙ ЦВЕТОК

Железный путь спрямил указкой –
Не юг, не запад, не восток.
И, окропаясь водою карской,
Взошёл, как ледяной цветок.
Но вьюга налетела чёртом,
Пророча неживой предел –
Загинули цветы несчётны,
Один лишь я и уцелел!
Приговорён к оцепенению,
Замру, умру... И злей тоски
Меня сова коснётся тенью,
Сорвать, пытаюсь, лепестки.
Живут другие – как другие,
Цветок из льда во льдах – один.
И мечутся ветра тугие,
Взыскупя столкновенья льдин.
А не случится ледостава...
Так что с того? Да ничего!
Цветка арктическая слава –
Удел цветенья моего.
Гори огнём, гори морозом,
На скулах стянутый простор!
Я мог бы стать – не стал торосом,
Слежу светил небесный хор.
Спасёт не высшее ли чудо,
Когда на свете света нет,
Крещенья карского остуда,
Её заледенелый цвет.
Откуда мне такая сила?
Да я и сам та сила есть,
Что обрекла и возносила,
И разнесла благую весть.
Пускай громадятся торосы –
Им никогда не расцвести!
И стонут якорные тросы
На долгом Северном пути.

ИЗОЛЯЦИЯ ЛЮБВИ

Мёртвый город лучше города мёртвых,
Жить и выживать – подобно искусству:
Марлевой повязкой твой лик замотан,
Предаёмся виртуальному чувству.
Светлые ангелы не оставляют
Наши многострадальные пределы,
То ли они, то ли вьюги летают –
Потому и твои снега белым-белы.

Мы встречаемся, не видясь, не знаясь,
Схимники, отшельники, одиночки!
Нам на зависть распускается завязь,
Только следуем от «точки» до «точки».
Кто за нас располагает? Не скажет,
Даже пусть и просьбу сведущий слышит.
Заклинаю: разойдись теперь с каждым –
Кто идёт навстречу, тот второй лишний!

Мой смартфон от немоты кричит криком,
Если ты надолго смолкнешь внезапно.
И составы не грохочут по стыкам,
И востоком заражается запад.
Пса выгуливаешь в соседней роще,
Длинный поводок продолжает руку...
Ты прости, что не умею жить проще,
Обрекаю на разрыв, на разлуку.

Может быть стул электрическим стулом –
Только мысль одна пульсирует: «Как ты?!»
Никаким уже не верю посулам,
Верую в оборванные контакты!
Вот они сходятся на мониторе –
Оживляю спасительным курсором:
Тотчас на дальнем сибирском просторе
Отзываешься жестом, ясным взором.

УЛИЦА ГОРЬКОГО

Ветер шёл вразвалку вдоль тюряги,
Лаяли собаки за стеной.
Горе горькое – поэты ли, бродяги? –
Шли по Горького – не по Сенной.
Я хотел свободным стать... И стал им:
Клин вам в глотку, суки-господа!
Сталина застали – мы из стали,
Нам ли страшен приговор суда?!
Наш вожак не А. М. Горький разве?
Горький навещал сии края.

Улиц Горького в стране как грязи,
А в Ростове – улица моя.
Век свободы не видать в России:
Срок за сроком – тянутся срока...
И кого о жизни ни спроси я,
Нет у жизни – горькая тоска.
Так залить бы горькой, что ли, горе!..
Не поможет: пробовал не раз.
Плач горючий тонет в общем хоре,
Но идём, не опуская глаз.
Мы ещё не отзвучали гордо,

И поэт-бродяга – человек.
Мы идём своим пока что ходом –
Час идём, а вроде – целый век.
Нам вослед летят камней проклятья,
Ополчаются враги, друзья...
Только ветра всё сильнее объятья –
Вот кого нам предавать нельзя!
Ветер, он – последняя свобода,
Забывать о воле не даёт.
Нет свободнее того народа,
Что по горькой улице идёт.